

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xmvstt>

«Жизнь Карла Великого» Эйнхарда: диалог с античным жанром

Ненарокова Мария Равильевна

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Scopus Author ID: 58111332700

maria.nenarokova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена первой средневековой биографии, «Жизни Карла Великого», написанной Эйнхардом, видным деятелем эпохи Каролингов. Создавая биографию императора, Эйнхард ориентировался на биографии римских императоров, созданные Светонием. Предметом изучения стали особенности структуры и композиции текста Эйнхарда в сравнении с текстами Светония. Цель – проследить, насколько точно каролингский автор следует выбранному образцу; какие новые черты обретает средневековая биография по сравнению с текстами Светония. Были использованы описательный, культурно-исторический, сравнительно-исторический, историко-генетический, формальный методы. Исследование показало, что общепринятое мнение о текстах Светония как образце для Эйнхарда не вполне отвечает истине. Тексты Эйнхарда и Светония сходны, когда речь идет о макрокомпозиции. Однако медленное чтение античного и средневекового текстов обнаруживает изменения, обусловленные христианской традицией ученых повествований о героях. Если Светоний создает повествование, подобное дружеской беседе, в которой можно высказывать различные точки зрения, то Эйнхард пишет энкомий, который должен предложить читателям идеальный образ правителя. Его биография составлена по схеме «трех времен», которая используется для написания житий святых.

Ключевые слова: античная биография, средневековая биография, Светоний, Эйнхард, Карл Великий, жанр, структура, композиция, стиль, язык

Цитирование: Ненарокова М. Р. «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда: диалог с античным жанром. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 140–149. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-140-149>

Поступила в редакцию 09.10.2023. Принята после рецензирования 22.11.2023. Принята в печать 04.12.2023.

full article

Einhard's *Vita Karoli Magni*: Dialogue with Classical Genre

Maria R. Nenarokova

A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Scopus Author ID: 58111332700

maria.nenarokova@yandex.ru

Abstract: *Vita Karoli Magni* (The Life of Charlemagne) was the first medieval biography. It was written by Einhard, a prominent figure of the Carolingian era, who used some biographies of Roman emperors by Suetonius. This article introduces a comparative analysis of Einhard's *Vita Karoli Magni* and Suetonius' biographies in terms of structure and composition. The main research objectives were to define to what degree Einhard followed the chosen pattern, as well as to identify the new features the medieval biography acquired as compared with the texts by Suetonius. The study involved descriptive, cultural-historical, comparative-historical, historical-genetic, and formal methods. The author questioned the generally accepted opinion that Einhard relied on Suetonius's texts. The texts by Einhard and Suetonius are similar in macro-composition, but the former was affected by the Christian tradition of heroic narrative. Suetonius's stories resembled a friendly conversation that could embrace different points of view. However, Einhard wrote an encomium that was to offer its readers an ideal image of a king. His biography was compiled according to the three-part scheme, typical of hagiographies.

Keywords: Roman biography, medieval biography, Suetonius, Einhard, Charlemagne, genre, structure, composition, style, language

Citation: Nenarokova M. R. Einhard's *Vita Karoli Magni*: Dialogue with Classical Genre. *SibScript*, 2024, 26(1): 140–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-140-149>

Received 9 Oct 2023. Accepted after peer review 22 Nov 2023. Accepted for publication 4 Dec 2023.

Введение

Интерес к жанру биографии во все времена был достаточно высок, но в настоящее время можно наблюдать особенный всплеск интереса к произведениям, относящимся к биографическому жанру: «биография занимает сейчас одно из центральных мест в читательских предпочтениях» [Ибрагимова 2013: 131]. По наблюдениям М. Б. Раренко, сегодня особенно востребованными оказываются журналы *Биография* и *Story* [Раренко 2017: 5], в которых освещается жизнь известных людей. Одной из семи номинаций Пулитцеровской премии является премия за биографию или автобиографию. Неудивительно, что этот литературный жанр привлекает внимание исследователей.

Изучение биографического жанра сегодня идет по нескольким направлениям. Поскольку, по мнению Е. А. Ивановой, «общепризнанное чёткое определение биографии» еще не выработано [Иванова 2012: 43], литературоведы стремятся восполнить этот пробел. На общем фоне выделяется работа А. А. Холикова «Биография писателя как жанр», отличающаяся глубиной проработки темы [Холиков 2010]. Автор понимает биографию как «один из способов познания и реконструкции... личности в ее становлении и развитии», причем главным жанровым признаком биографии он считает «стремление третьего лица воссоздать словесными средствами целостный процесс становления, развития и деятельности исторической личности» [по: Иванова 2012: 43].

М. А. Козырева отмечает «внутреннюю противоречивость жанра» [Козырева 2014: 103]. На примере биографий, созданных Г. К. Честертонем, она приходит к выводу, что «в каждой отдельной биографии может превалировать документальное или художественное начало, реальность и вымысел» [Там же]. В зависимости от того, какое начало – документальное или художественное – преобладает в тексте, изменяется и стилистика [Варакина 2010: 90]. Формулировка «жанрово-стилевых и содержательных критериев» [Верещагина 2020: 304] биографии составляет

содержание исследований, посвященных этому жанру. Как считает Е. А. Иванова, для понимания природы жанра нужно уделять особое внимание «анализу функций тропов, форм нарратива и природы мифа» [Иванова 2012: 47] в биографии.

По наблюдениям исследователей, биографический жанр не однороден: существуют «академические, научные, популярные и художественные» [Иванова 2012: 46] биографии, возникают биографии смешанного типа, например, романы-биографии [Агапитова 2017: 185; Иванова 2012: 45], исторические биографии [Леонтьева 2020: 20], беллетризованные биографии [Верещагина 2020: 304–305]. В последнее время был описан поджанр философской биографии [Даренский 2018; Полякова 2011].

При том что исследования чаще всего проводятся на материале XX в. (например, работы Х. Ибрагимовой посвящены биографии в творчестве П. Акройда [Ибрагимова 2013], а М. А. Козырева опубликовала ряд статей об этом жанре в творчестве Г. К. Честертона [Козырева 2014]), существуют и медиэвистические исследования в области биографии. Таковы работы М. С. Петровой, в частности ее вступительная статья к изданию «Жизнь Карла Великого» [Петрова 2005]. Немало исследований посвящено истории жанра с античности до наших дней, например, [Раренко 2017; Холиков 2010].

Стоит, однако, отметить, что подавляющее большинство исследований посвящено содержательной стороне произведений биографического жанра, а структура и композиция биографии, ее связь с другими произведениями этого же жанра не изучаются. Данная статья, посвященная первой средневековой биографии – «Жизни Карла Великого» Эйнхарда, представляет собой попытку закрыть данную лауну в отношении этого произведения. Цель – проследить, насколько точно каролингский автор следует выбранному образцу; какие новые черты обретает средневековая биография по сравнению с текстами Светония.

Методы и материалы

Были использованы описательный, культурно-исторический, сравнительно-исторический, историко-генетический, формальный методы. Материалом стала «Жизнь Карла Великого»¹, написанная Эйнхардом, видным деятелем Каролингского Возрождения, писателем и историком, принадлежит к жанру биографии, заново созданному в средние века. Особенности структуры и композиции текста Эйнхарда сравниваются с текстами Светония, создавшего биографии римских императоров².

Результаты

Эйнхардов труд «равносилен открытию»³ [Brunhölzl 1990: 78], поскольку к VIII–IX вв., ко времени расцвета культуры при правителях династии Каролингов, «античная биография была забыта» [Ibid]. Возрождение было подготовлено литературной традицией, с которой автор, Эйнхард, познакомился еще в Фульде, учась в монастырской школе. Там он читал и Светония [Ibid], и Тацита [Sot, Veyrard-Cosme 2014: 880–881], и Цицерона [Innes 1997: 268–269], и других латинских писателей, изучение которых дало ему возможность не только отточить знание латинского языка и сформировать свой индивидуальный стиль, но и положить начало новому для средневековой Европы литературному жанру. Эйнхард, взяв за образец труд Светония, «хотел попытаться изобразить личность, а не строго исторический отчет» [Ibid: 267–268], да и цель его несколько отличалась от цели Светония: если древнеримский писатель хотел «сделать свое сочинение занимательным для массы читателей» [История римской литературы 1962: 339], а согласно М. Л. Гаспарову, «оценить деятельность императора» [Гаспаров 1993: 265], то Эйнхард писал о человеке, в котором он и его современники видели героя.

Характеристика «Жизни Карла Великого» как книги воспоминаний о столь выдающемся муже (ЖКВ: 53) сразу дает читателю понять, что личность Карла находится в центре повествования. Однако, если Светоний «стремится изолировать личность и жизнь своих героев от окружающей их среды и общего течения современной им государственной и общественной жизни» [История римской литературы 1962: 337], то Эйнхард

помещает личность Карла в исторический контекст, хотя события описывает крупными блоками, практически не детализируя описания. Так, вслед за Светонием Эйнхард стремится показать, «как вел себя император» [Гаспаров 1993: 264] на войне, средневековый писатель старается сохранить для будущих поколений наиболее важные факты. Рассказывая об аквитанской войне, Эйнхард подчеркивает, что такие качества характера Карла, как нежелание *прекратить начатое и оставить однажды взятое на себя бремя* (ЖКВ: 63), *выдержка и постоянство* (ЖКВ: 63) его натуры, проявились с самого начала. Эйнхард кратко рассказывает о двух взаимосвязанных эпизодах аквитанской войны. В отношении первого эпизода можно вспомнить слова М. Л. Гаспарова о Светонии: «о завоевании Британии он [Светоний] говорит в придаточном предложении, а о триумфе Клавдия – в главном» [Гаспаров 1993: 264]. Точно также и Эйнхард помещает сведения о возможном начале боевых действий в придаточное определительное предложение, а успеху Карла в предотвращении новой аквитанской войны посвящено главное предложение: *Ведь и Гунольда, который после смерти Вайфария попробовал занять Аквитанию и возобновить уже почти закончившуюся войну, он [Карл] принудил покинуть Аквитанию и уйти в Гасконь* (ЖКВ: 63).

С одной стороны, можно сказать, что Эйнхард, как и Светоний, «оставляет почти совершенно в стороне все остальные лица, ...игравшие роль в истории государства» [История римской литературы 1962: 337], поскольку, как правило, биограф Карла, рассказывая о военных подвигах своего *господина и воспитателя* (ЖКВ: 51), сосредоточивается на том, какие качества характера Карла проявляются во время той или иной войны, и на обстоятельствах, способствующих проявлению этих качеств. С другой стороны, в рассказах о войнах упоминаются враги и соратники или те, кто решил стать вассалом Карла, как упомянутый выше герцог Гаскони Луп, обладающий таким положительным качеством, как *здоровый смысл* (ЖКВ: 63).

Эйнхард называет в своем сочинении не только отдельных людей, выстраивающих отношения с Карлом, но и целые народы, что можно считать отступлением от выбранного им образца. В разделе,

¹ Эйнхард. Жизнь Карла Великого, вступ. ст., перевод, прим., указатели М. С. Петровой. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 304 с. Далее по тексту цитаты из книги приведены с указанием страниц в виде (ЖКВ). Все переводы, при которых отсутствует ссылка на издание «Эйнхард. Жизнь Карла Великого», выполнены автором статьи.

² Светоний Транквилл Г. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993. 376 с. Далее – (Светоний).

³ Здесь и далее по тексту переводы цитат из научных источников выполнены автором статьи.

посвященном саксонской войне, встречаем характеристику саксов, причем она не приводится единым фрагментом текста, а разделена на три части. Первая часть характеристики, наиболее общая, приводится в начале раздела: *саксы... воинственны по природе, преданы почитанию демонов и являются противниками нашей религии* (ЖКВ: 67). Следствием духовного нечестия саксов становится нарушение ими заповедей о любви к Богу и ближнему: *они не считали нечестивым ни нарушать, ни преступать как божественные, так и человеческие законы* (ЖКВ: 67). При том что рассказ о целом народе не соответствует канону составления биографии, Эйнхард, как кажется, сохранил одну особенность светониева повествования – совмещение двух разных «историй» [Гаспаров 1993: 267], причем одна из них «перебивает» [Там же] другую. В данном случае рассказ о войне перебивается этнографическими зарисовками, пусть и очень краткими. К этому приему, заимствуя его у Светония, Эйнхард прибегает не раз. Например, повествование о затяжной войне с саксами прерывается рассказом о войне с басками.

Интересно, что Эйнхард ввел в рассказы о войнах, которые вел Карл, краткие описания природы. Конечно, изображение пейзажей в повествовании о войнах имеет вполне практические цели. Так, *непроходимые места, горные хребты и вздымающиеся к небу скалы, а также труднодоступные утесы* (ЖКВ: 67) Альпийских гор подчеркивают, с одной стороны, трудности военного похода против лангобардов, с другой – гений Карла-полководца, его стремление к победе. Описание границы между землями франков и саксов объясняет трудность сохранения мира между этими народами: *на равнине наши границы и [границы] саксов почти везде соседствовали, за исключением немногих мест, где большие леса и вклинившиеся утесы гор разделяли надежным рубежом поля и тех, и других* (ЖКВ: 67). Иными словами, граница была столь же ненадежна, сколь и сами саксы, и поэтому *ни дня не проходило без нарушения мира* (ЖКВ: 67). Причиной поражения арьергарда франкских войск в войне с басками оказываются особенности пейзажа: *характер места и теснин* (ЖКВ: 73), позволяющие нападать, *устроив засаду на самой вершине горы – ибо место, подходящее для устройства засады, находилось в густых лесах, которых там великое множество* (ЖКВ: 73).

Создавая биографии императоров, Светоний «старается по возможности короче сообщать о государственной деятельности императоров, приводя лишь те подробности, которые находятся в прямой и тесной связи с личностью императора, с обстоятельствами

личной его жизни, или указывают на те или другие стороны его характера» [История римской литературы 1962: 338]. Хотя Эйнхард сообщает читателям, что цель его труда состоит в том, чтобы рассказать о Карле как о человеке, тем не менее о деяниях своего героя биограф пишет достаточно много, причем, как оказывается, войны составляют лишь часть деятельности короля. Не меньшее значение Эйнхард придает и дипломатическим успехам Карла, стремившегося строить отношения с соседями не только огнем и мечом, но и предложениями мира и дружбы. Среди рассказов о том, как Карл *славу своего правления... приумножил, завязав дружбу с некоторыми королями и народами* (ЖКВ: 87), особенно выделяется история отношений короля франков с *королем Аароном Персидским* (ЖКВ: 87). Результатом дипломатических отношений стало присоединение *Гроба Господня и места воскресения Господа и Спасителя нашего... к владениям Карла* (ЖКВ: 87). Нарушая хронологию, что также характерно для светониева труда, взятого Эйнхардом за образец, биограф Карла побуждает читателей вернуться в прошлое, к началу дружбы двух великих государей: *А ведь несколькими годами ранее Аарон послал ему единственного имевшегося у него слона, ибо Карл попросил об этом* (ЖКВ: 87).

Последним и не самым обширным разделом повествования о деятельности Карла становится рассказ о *его свершениях... дома* (ЖКВ: 62), т. е. в границах своего государства, где король *начал множество работ по украшению и благоустройству, а некоторые даже завершил* (ЖКВ: 89).

С точки зрения композиции и структуры текста «Жизнь Карла Великого» состоит из трех частей: два пролога и собственно повествование. Первый по порядку следования пролог представляет собой краткое жизнеописание автора книги, Эйнхарда, составленное Валафридом Страбом. Из этого пролога, напоминающего современные предисловия к произведениям художественной литературы, мы узнаем не только факты биографии Эйнхарда, характеризующие его с наилучшей стороны, но и причину, по которой именно Эйнхард, *самый чтимый из находившихся при дворе в то время не только по причине своей учености, но и по достоинству личных качеств* (ЖКВ: 47), удостоился чести написать о Карле Великом: он был настолько близок к королю, что ему *самый мудрый и могущественный король своего времени доверял... многие секреты своей частной жизни* (ЖКВ: 49). Валафрид Страб пишет своего рода энкомий Эйнхарду, *чтобы в его словах никто не сомневался, зная, что*

Эйнхард отдаст тому, кто его возвысил, долг любви, а пытливому читателю – истинную правду (ЖКВ: 49).

Пролог сочинения как вид текста имеет свою топику и возможные варианты композиции. По мнению немецкого исследователя П. К. Якобсена, для написания своего пролога Эйнхард «взял идеи и формулировки предисловия к *Vita S. Martini* Сульпиция Севера» [Jacobsen 2005: 116], хотя «они не просто переносятся в другой текст, но модифицируются в соответствии с объектом, который рассматривается иначе или вовсе с противоположной точки зрения» [Ibid]. Однако внимательное чтение обоих текстов позволяет сделать иной вывод.

Сульпиций Север, для которого латинский язык был родным, строит свой пролог на основе тринадцати топосов, среди которых нет двух одинаковых. Один топос логически продолжает другой. Так, в начале пролога указывается, о ком написана книга, отмечается, что автор недостаточно одарен и образован, чтобы ее писать, но уступает просьбам друга. Поскольку автор уже сказал о своем недостатке, он просит снисхождения читателей. В центре пролога оказывается рассуждение о тщете земной славы, после чего логичны слова о том, что прославлять нужно истинных героев, святых. В конце пролога находим топосы *краткость как забота о читателе* и *достоверность рассказанного* [Sulpicius Severus... 2017].

В отличие от пролога Сульпиция Севера, отражающего непрерывное течение мысли автора, пролог Эйнхарда состоит из двух частей. В нем можно выделить топосы, три из которых повторяются во второй части. Пять топосов совпадают с тем набором, который находим у Сульпиция, но они стоят в ином порядке: имя героя книги, краткость как забота о читателе, достоверность повествования, сохранение памяти об истинных героях, недостаток автора. Три топоса – имя героя, необходимость сохранить память о герое, недостаток автора – повторяются в заключительной части пролога. Последний из повторяющихся топосов – недостаток автора – не только используется еще раз, но и подкреплен ссылкой на авторитет: находим цитату из «Тускуланских бесед» Цицерона (ЖКВ: 53). Центральную часть пролога занимает объяснение причин, которые побудили Эйнхарда написать книгу о Карле.

Такой состав текста позволяет утверждать, что сочинение Сульпиция Севера могло быть известно Эйнхарду, но не послужило образцом для его собственного пролога. Хорошее знакомство с античной риторикой позволило Эйнхарду написать

самостоятельный текст. Если же сравнить топику прологов, то можно предположить, что оба автора получили сходное образование, в основу которого была положена программа античной школы.

Как обоснованно считают исследователи творчества Эйнхарда, написание «Жизни Карла Великого» «немыслимо без образца Светония» [Brunhölzl 1990: 79]. Так, в том, что Эйнхард не пишет о детстве Карла, исследователи узнают его обращение к «Светониевой модели» [Innes 1997: 267], однако сравнение светониева жизнеописания Августа, которое считают моделью для биографии Карла, и текста Эйнхарда не дает оснований для такого заключения, поскольку Светоний пересказывает несколько эпизодов из детства Августа (Светоний: 36–37). Как кажется, для Эйнхарда как историка в первую очередь важна достоверность повествования, сам он застал Карла уже взрослым человеком, а записанных рассказов о детстве своего господина он не обнаружил, хотя еще в прологе он отмечает, что был очень близок к семье Карла, настолько близок, что ощущает неразрывность этой связи *и в жизни своей, и в смерти* (ЖКВ: 53). Эйнхард мог бы выступить в качестве носителя устной традиции, так же как он свидетельствует о славных деяниях Карла как очевидец, однако он этого не делает, ссылаясь на отсутствие данных в «Анналах королевства франков», которые он использовал при написании биографии Карла. Как правило, Светоний сообщает хотя бы отрывочные факты о детстве римских императоров, но биография другого римского императора, Юлия Цезаря, неполна (Светоний: 5), начало ее утеряно, что, вероятно, оправдывало отсутствие рассказа о детстве Карла в тексте Эйнхарда.

У Светония позаимствовал Эйнхард *divisio*, «перечень тех пунктов, которые в дальнейшем подлежат рассмотрению» [Альбрехт 2005: 1527]. Рассказав о том, как род Каролингов получил королевскую власть, и перечислив предшественников Карла на троне, Эйнхард сообщает своим читателям план, по которому он будет описывать жизнь Карла. Он предполагает *перейти к изложению и изображению деяний, нравов и других сторон его жизни, однако так, чтобы вначале рассказать о его свершениях как дома, так и вне его; затем – о его нраве и занятиях, а после – об управлении королевством и его смерти, не пропустив ничего достойного и необходимого для знания* (ЖКВ: 61, 63). Благодаря такому четкому плану сочинение Эйнхарда предстает перед читателями не как «бессвязное повествование, а как умело организованное и ясное описание человека и его деяний» [Previte Orton 1915: 187].

В тексте легко определить фрагменты, своего рода блоки, в которых раскрываются отдельные темы, не выходящие за пределы этих фрагментов. Так, рассказывая в соответствии с *divisio* о деяниях Карла, Эйнхард начинает повествование о войнах, которые вел Карл, словами: *Из всех войн, которые он вел...* (ЖКВ: 63). Эта фраза становится маркером новой, обширной темы, которая далее разделяется на подтемы и, следовательно, отдельные главы. Переход к следующей подтеме осуществляется посредством повторения информации, например: *Приведа в порядок дела в Аквитании и закончив войну...* (ЖКВ: 65).

Переключение от одной темы к другой, в данном случае от рассказа о войнах, которые вел Карл, к его политике в мирное время, осуществляется при помощи довольно большого отрезка текста, в котором Эйнхард подводит итоги военных подвигов короля. Этот фрагмент начинается фразой: *Таковы были войны, которые с великой мудростью и удачей вел самый могущественный король в различных частях земли в течение 47 лет (ведь столько лет он царствовал)* (ЖКВ: 83). Сам фрагмент содержит перечисление земель и народов, которые Карл присоединил к своему государству. Это описание новых пределов королевства франков заставляет вспомнить исторические сочинения Тацита и традицию средневековой историографии, что отмечалось выше.

Военная тема охватывает несколько небольших разделов, каждый из которых посвящен одной отдельно взятой войне. Чтобы избежать однообразия, Эйнхард начинает эти разделы близкими по значению фразами, выражениями, целыми предложениями, однако слово *bellum* (война) в разных грамматических формах повторяется практически везде. Здесь очевидно влияние Светония, начинавшего «каждую рубрику и подрубрику... ключевым словом, как в словаре» [Гаспаров 1993: 266], причем начало упомянутых разделов у Эйнхарда тематически одинаково, хотя и по-разному оформлено лексически.

Повествование о частной жизни Карла столь же обширно, но гораздо более пестро, в отличие от описания его деятельности по защите своего государства и расширению его границ. По наблюдению М. Иннеса, оно «организовано не вокруг современных христианских добродетелей, а вокруг набора классических признаков» героя [Innes 1997: 268], однако это утверждение не совсем верно, что будет прокомментировано ниже. При том что каждый раздел посвящен какой-то стороне жизни или характера Карла, и, следовательно, зачины не повторяются, тем не менее светониев принцип

«ключевых слов» [Гаспаров 1993: 266] сохраняется в полной мере: например, раздел, начинающийся словами *Liberos suos...* (ЖКВ: 94) (*Своих детей...*), рассказывает об отношениях Карла с детьми и от жен, и от наложниц, о том, как он заботился об образовании как мальчиков, так и девочек, как страдал, пережив *смерть своих сыновей и дочерей* (ЖКВ: 97).

С точки зрения макрокомпозиции в первой части «Жизни Карла Великого» выделяются разделы 1, 5, 6, 10, 11, 14, из которых читатель узнает о других правителях и представителях знати – предшественниках и современниках Карла. Их портреты, иногда довольно подробные, но чаще всего краткие, демонстрирующие самую заметную черту характера человека, являются своего рода вехами повествования, не только позволяют избавиться повествование от монотонности, но и создают фон, на котором личность Карла воспринимается более объемно подобно барельефу. Такой способ подчеркнуть наилучшие качества героя Эйнхард позаимствовал у Светония: по наблюдениям М. Л. Гаспарова, «чтобы оценить деятельность императора, нужно сопоставить ее с деятельностью других императоров и с требованиями, предъявляемыми к идеальному правителю» [Гаспаров 1993: 265]. У Эйнхарда в роли идеального правителя выступает сам Карл.

«Жизнь Карла Великого» начинается с рассказа о королях предыдущей династии. И род Меровингов, и последний король из этой династии – Хильдерик – являются антиподами Карла: *уже давно в роду том не было никакой жизненной силы и ничего замечательного, кроме пустого царского звания* (ЖКВ: 55), а Хильдерик приходилось лишь принимать *вид правящего* (ЖКВ: 55) и давать *ответы, которые ему советовали или даже приказывали дать* (ЖКВ: 55). Полной несамостоятельности Хильдерика в делах управления государством соответствовала и его полная зависимость от тех, кто действовал от его имени: король получал *содержание, выдаваемое ему из милости на проживание* (ЖКВ: 55). Рассказ о безвольном и бесполезном правителе становится отправной точкой в создании образа Карла, полной противоположности Хильдерика.

Стойкость в трудностях (ЖКВ: 71), *размышления о пользе для народа* (ЖКВ: 74), необыкновенные душевные качества Карла естественным образом противопоставляются *упрямству* (ЖКВ: 74) италийского герцога Арагиса, *высокомерию и беспечности* (ЖКВ: 77) баварского герцога Тассилона, *пустой спеси* (ЖКВ: 83) и *пиратству* (ЖКВ: 83) норманна Годфрида

и даже *зависти ромейских императоров* (ЖКВ: 115), которую *Карл победил своим великодушием* (ЖКВ: 115).

Позволяя читателю самому сложить из перечисленных черт характера полный портрет своего героя, Эйнхард следует Светонию, изложение которого, согласно М. Л. Гаспарову, «складывается из мелких черточек и фактов, как мозаичная картина <...>, при обычном беглом читательском восприятии все сливается в цельный и неповторимый образ, прочно остающийся в памяти» [Гаспаров 1993: 269–270].

Есть и еще один элемент повествования, который Эйнхард вводит в свой текст по примеру Светония: это знамения, указывающие на близкую кончину Карла, настолько необычные, что и Карл, и его приближенные *увидели в них угрозу* (ЖКВ: 121). Эйнхард упоминает и *частые затмения и солнца, и луны* (ЖКВ: 121), и обрушение *порттика, что был сооружен между базиликой и дворцом* (ЖКВ: 121), и *сгоревший за три часа мост через Рейн возле Могонтиака* (ЖКВ: 121), и, возможно, явление кометы, и даже падение Карла с лошади. Как пишет М. Альбрехт, упоминание о предзнаменованиях «выполняет литературные задачи: оно подчеркивает определенную последовательность мотивов» [Альбрехт 2005: 1525]. Однако в использовании этого элемента у Светония и Эйнхарда есть разница: в повествовании Светония *дела веры и суеверия* (Светоний: 69) являются неотъемлемой частью жизни императора Августа – язычника, поэтому писатель приводит самые разные знамения, которые Август наблюдал в течение жизни. С точки зрения композиции раздел о предзнаменованиях предшествует разделу о кончине и погребении римского императора. Эйнхард же пишет о христианине, который, следуя своей вере, не должен придавать значение приметам и суевериям. О знамениях, предвещающих смерть Карла, рассказывается уже после описания последних дней его земной жизни и похорон. Таким образом, они становятся частью посмертного прославления Карла, что отвечает правилам составления похвального слова герою.

Ставя себе целью рассказ об образе жизни Карла, т. е. об отражении личности в повседневности, Эйнхард, как кажется, осуществляет наиболее заметное читателю заимствование у Светония, а именно: состав биографии, соответствующий «римским мыслительным стереотипам» [Альбрехт 2005: 1523]. Однако «типично римская форма биографии» [Там же], созданная Светонием, не может считаться единственным образцом описания человеческой жизни в эпоху Каролингов. Выработанный Светонием план

соединения элементов биографии постепенно превратился в довольно жесткую и устойчивую схему – рассказ о «трех временах» человеческой жизни, которая с распространением христианства стала применяться для написания житий святых. Эта схема была известна всей средневековой Европе благодаря «Этимологиям», энциклопедическому труду св. Исидора Севильского, который процитировал высказывание ритора Эмпория (V в.): «мы восхваляем некоего мужа в связи с тем, что было до него, что было в нем самом и что было после него. До него, его род и отечество; в нем самом, каково его имя, воспитание, каковы его обычаи, внешность и деяния; после него, каков сам исход его жизни, каково мнение, доставшееся усопшему» [Curtius 1973: 156]. Учась в монастырской школе Фульды, Эйнхард мог познакомиться с распространенными в Средние века учебниками риторики – с «Риторикой к Гереннию» и с трактатом Цицерона «О нахождении», в которых схема «трех времен» разбиралась подробно и перечислялись топоры, необходимые для написания каждого «времени». Кроме того, свидетельство о том, что Эйнхард читал сочинения Цицерона, находим и в его прологе, где упоминаются знаменитые «Тускуланские беседы» и к месту приводится цитата из этого произведения (ЖКВ: 53). Практическую реализацию схемы биографии Эйнхард мог обнаружить в сочинениях агиографического жанра. Ранее отмечалось, что ему была знакома *Vita S. Martini* (396 г.) Сульпиция Севера, созданная задолго до того, как светониев план составления биографии был возведен в правило.

По сравнению с биографиями Светония сочинение Эйнхарда написано сухо и схематично: если говорить о «первом времени» жизни Карла, то рассказ о нем включает только сведения о «роде и отечестве» [Curtius 1973: 156], т. е. о предках великого короля, а какие-либо сведения о его детских годах и воспитании отсутствуют, *поскольку в анналах ничего нигде не сказано и никого, кто бы мог утверждать, что имеет знания о [тех событиях], в живых не осталось* (ЖКВ: 61, 63). Не описаны и случаи из жизни, иллюстрирующие взаимоотношения Карла с конкретными людьми.

Биография Карла начинается с рассказа о его деяниях, которые являются необходимым элементом «второго времени» жизни героя. Рассказ о Карле начинается прямо с его деяний, т. е. с войн, которые он вел против внешних врагов Франкского королевства. При этом топор *образование* все же реализуется, но позже, в разделе, где говорится об ораторских способностях Карла. Перед читателем предстает уже немолодой

человек, отец большой семьи, правитель множества земель, который тем не менее *усердно занимался свободными искусствами* (ЖКВ: 109) и даже старался научиться писать.

Порядок топосов у Эйнхарда по сравнению с тем, что находим в биографии Августа, изменен и, можно сказать, выстроен логически. Светоний описывает привычки, качества характера, интересы Августа в кажущемся беспорядке, и это сообщает его тексту доверительную интонацию дружеской беседы: начиная с упоминания о том, что Август стремился вернуть Рим к старинным обычаям и *даже одежду и платье... старался возродить древние* (Светоний: 51), Светоний переходит к щедрости императора, к заботе о пропитании народа, к его милосердию. Далее следуют небольшие разделы о пристрастии к простоте в быту, о простой пище, которую любил император, о его распорядке дня, внешности, слабом здоровье. Несколько разделов посвящены образованности Августа, его любви к красноречию, свободным искусствам, философии, изучению греческого языка. Отдельно говорится о вере и суевериях Августа, причем этот раздел помещен до описания его смерти и погребения.

Сохраняя практически всю топику Светония, Эйнхард меняет порядок следования элементов повествования. Для него как для германца в первую очередь важна семья, и он последовательно рассказывает об отношениях Карла с братом, с матерью, с детьми от разных браков. Отдельно идет история о сыне Пипине от некоей безымянной наложницы: *красивый лицом, но обезображенный горбом* (ЖКВ: 99). Горб выдает испорченную натуру юноши: ведь он *составил заговор против отца* (ЖКВ: 99), желая захватить власть. История недостойного сына становится некоей параллелью к истории недостойной дочери в биографии Августа.

Далее Эйнхард переходит к похвале Карлу *из вещей внешних, тела, духа* [цит. по: Ненарокова 2003: 165], как это предписывает «Риторика к Гереннию». Даже занятиям *греческой словесностью* (Светоний: 68) Августа соответствует изучение Карлом греческого языка, хотя, как отмечает Эйнхард, *по-гречески он больше понимал, нежели говорил* (ЖКВ: 109).

Возвращаясь к мнению М. Иннеса, можно отметить, что «набор классических признаков» [Innes 1997: 268], необходимых для составления биографии человека, является лишь некоей достаточно абстрактной схемой, планом рассказа, а какие факты выбираются для написания сочинения, зависит от автора. Изменение культурно-исторической ситуации приводит к созданию новой шкалы ценностных установок, и потому

в биографии, написанной Эйнхардом, переосмысляются античные признаки и появляются новые, христианские.

Описывая последние дни земной жизни государя, Эйнхард не использует элемент, характерный для биографий Светония, а именно: «*ultima verba*, "предсмертные слова"» [Альбрехт 2005: 1525]. Время, когда они были произнесены, уже принадлежит вечности: *На седьмой день после того, как он слег в постель, Карл, приняв святое причастие, скончался. Это случилось на семьдесят втором году его жизни* (ЖКВ: 119). Причастие сопровождается исповедью, но эти предсмертные слова предназначаются не людям, а Богу, поэтому их невозможно поместить в биографию Карла. Остальными элементами рассказа о «третьем времени» становятся свидетельства посмертной славы Карла: его погребение, памятник над гробницей, завещание. Этот раздел гораздо более обширен, чем у Светония. Как кажется, подробное изложение посмертных даров Карла объясняется не только тем, что это факт его биографии, но и тем, что в категориях германской культуры «богатство может цениться лишь постольку, поскольку оно способствует достижению славы и общественного уважения... для этого надобно не накапливать богатства, а расточать, раздаривать, расходовать на пиры, короче говоря, превращать в знак личной доблести» [Гуревич 1972: 217]. Раздача королевских богатств, подробно описанная Эйнхардом, не только является необходимым актом устройства земных дел, но и материальным воплощением великой славы Карла.

Заключение

Сравнение текстов Светония и Эйнхарда показывает, что часто повторяемое мнение о биографиях римских императоров как образце для Эйнхарда одновременно и справедливо, и в то же время не вполне отвечает истине. Параллели между жизнеописаниями императора Августа и Карла Великого очевидны, если речь идет о макрокомпозиции, о сходстве двух текстов в общих чертах. Однако медленное чтение обоих текстов сразу обнаруживает смещение акцентов, обусловленное более поздней, христианской, традицией ученых повествований о героях. Влияния Светония отрицать нельзя, но это Светоний, увиденный сквозь стекло средневековой школьной практики составления похвальных речей.

Внимательное чтение «Жизни Карла Великого» позволяет понять, что при всей кажущейся зависимости сочинения Эйнхарда от текста-источника различия, пусть и незаметные на первый взгляд, достаточно

значительны. Разные цели, которые ставили перед собой Светоний и Эйнхард, сообщают их сочинениям столь же различную направленность: если повествование Светония подобно дружеской беседе, в которой можно высказывать противоположные точки зрения на предмет обсуждения – вплоть до спора и негативных оценок, то Эйнхард пишет энкомий, похвалу, которая должна сохранить для грядущих поколений идеальный образ Карла и предложить им образец, которому будущие правители могли бы подражать. Выбор биографий римских императоров, созданных Светонием, в качестве образца для написания биографии Карла имеет смысл не только с точки зрения литературной преемственности и высокого качества модели, в соответствии с которой можно создать собственное безупречное произведение, но и с политической точки зрения: идея *translationis imperii*, укоренившаяся в сознании каролингских правителей и их ученого окружения, получала здесь выражение в том, что Карл становится преемником римских императоров как правитель нового Рима. Структура и композиция повествования в стиле доверительного разговора, характерном для светониевых

биографий, здесь совершенно не подходит, а схема «трех времен» жизни, которую используют агиографы для написания текстов о христианских героях – святых, напротив, подходит как нельзя лучше. Ею и пользуется Эйнхард, как бы накладывая ее поверх светониева *divisio*. Уважительное, но вовсе не рабское следование античному образцу свидетельствует не только о литературном даровании Эйнхарда, но и о его свободном владении латынью, хотя это и не родной его язык, и о прекрасном знании правил античной риторики, которые он с легкостью применял при создании собственного сочинения. Все это позволило Эйнхарду не только сохранить в веках образ великого императора франков, но и самому остаться в истории литературы как талантливому писателю и создателю нового жанра.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Агапитова Е. К. Влияние жанра античной биографии на становление романа. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2017. № 2. С. 184–190. [Agapitova E. K. The impact of the Antique biography genre on the novel's rise and development. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2017, (2): 184–190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zgmukl>
- Альбрехт М. фон. История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияние на позднейшие эпохи. М: Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина, 2005. Т. 3. С. 1404–2001. [Albrecht M. von. *History of Roman Literature from Andronicus to Boethius and its influence on later eras*. Moscow: Greko-lat. kab. Iu. A. Shichalina, 2005, vol. 3, 1404–2001. (In Russ.)]
- Варакина Е. Р. Рец.: Холиков А. А. Биография писателя как жанр: учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 96 с. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*. 2010. № 1. С. 87–95. [Varakina E. R. Review: Kholikov A. A. Biography of a writer as a genre: Textbook. Moscow: LIBROKOM, 2010, 96. *Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya*, 2010, (1): 87–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lbdodr>
- Верещагина К. А. Биография как научно-популярный жанр (по материалам биографий В. М. Головнина). *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 4. С. 304–307. [Vereshchagina K. A. Biography as a scientific-popular genre (on the materials of biographies of V. M. Golovnin). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2020, (4): 304–307. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nkotla>
- Гаспаров М. Л. Светоний и его книга. In: Светоний Транквилл Г. *Жизнь двенадцати цезарей*. М.: Наука, 1993. С. 258–272. [Gasparov M. L. Suetonius and his book. In: Suetonius Tranquillus G. *The Lives of the Twelve Caesars*. Moscow: Nauka, 1993, 258–272. (In Russ.)]
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с. [Gurevich A. Ya. *Categories of medieval culture*. Moscow: Iskusstvo, 1972, 318. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgtain>
- Даренский В. Ю. Биография как философский жанр: поэтика микрокосма. *Международный журнал исследований культуры*. 2018. № 1. С. 12–22. [Darenskiy V. Yu. Biography as a literary form of philosophizing. *International Journal of Cultural Research*, 2018, (1): 12–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xnkeff>

- Ибрагимова Х. Биографический жанр в английской литературе XX века (на материале романа-биографии Питера Акройда «Лондон»). *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*. 2013. Т. 26. № 1-1. С. 130–135. [Ibragimova Kh. Biographical genre in English literature of the XX century (based on the novel – biography "London" of Peter Ackroyd). *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seria: Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii*, 2013, 26(1-1): 130–135. (In Russ.)]
- Иванова Е. А. Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии. *Известия Саратовского Университета. Новая серия. Серия: Филология, журналистика*. 2012. Т. 12. № 3. С. 43–49. [Ivanova E. A. Theoretical principles and current issues of the biography genre. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2012, 12(3): 43–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pmyksz>
- История римской литературы, ред. С. И. Соболевский, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровский. М.: АН СССР, 1962. Т. 2. 484 с. [*History of Roman Literature*, eds. Sobolevsky S. I., Grabar-Passek M. E., Petrovsky F. A. Moscow: AS USSR, 1962, vol. 2, 484. (In Russ.)]
- Козырева М. А. «Святой Фома Аквинский» Г. К. Честертон. Трансформация жанра биографии. *Филология и культура*. 2014. № 3. С. 103–106. [Kozyreva M. A. "Saint Thomas Aquinas" by G. K. Chesterton. Transformation of the genre form. *Philology and Culture*, 2014, (3): 103–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thzqtd>
- Леонтьева О. Б. Судьба человека на перекрестье жанров: исторический роман и историческая биография. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете*. 2020. Т. 40. № 4. С. 19–29. [Leontieva O. B. The fate of a person at the crossroads of genres: Historical novel and historical biography. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*, 2020, 40(4): 19–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iafwpc>
- Ненарокова М. Р. Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2003. 272 с. [Nenarokova M. R. *Venerable Bede: rhetorician, hagiographer, and preacher*. Moscow: IMLI RAS, 2003, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qquftn>
- Петрова М. С. Эйнхард: историк в истории. In: Эйнхард. *Жизнь Карла Великого*, вступ. ст., перевод, прим., указатели М. С. Петровой. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 7–45. [Petrova M. S. Einhard: historian in history. In: Einhard. *Life of Charlemagne*, introduction, translation, notes, and indexes by M. S. Petrova. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2005, 7–45. (In Russ.)]
- Полякова И. А. Философская биография: Владимир Соловьев и Владимир Эрн как новаторы жанра. *Соловьевские исследования*. 2011. № 4. С. 146–156. [Polyakova I. A. Philosophical biography: Vladimir Solovyov and Vladimir Ern as innovators of the genre. *Solovyov Studies*, 2011, (4): 146–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/okcyvx>
- Раренко М. Б. Биография: эволюция и гибридизация жанра: аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2017. 68 с. [Rarenko M. B. *Biography: Evolution and hybridization of the genre: Analytical review*. Moscow: INION RAS, 2017, 68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvkhil>
- Холиков А. А. Биография писателя как жанр. М.: URSS, 2010. 91 с. [Kholikov A. A. *Biography of a writer as a genre*. Moscow: URSS, 2010, 91. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/quojcd>
- Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press, 1973, 755.
- Brunhölzl F. *Histoire de la Littérature Latine du moyen âge*. Turnhout, 1990, tome 1, vol. 2, 328.
- Innes M. The classical tradition in the Carolingian Renaissance: Ninth-century Encounters with Suetonius. *International Journal of the Classical Tradition*, 1997, 3(3): 265–282.
- Jacobsen P. C. Il Secolo IX. Letteratura Latina Medievale (Secoli VI–XV), a cura di C. Leonardi. *Firenze Sismel Edizioni del Galluzzo*, 2005, 75–151.
- Previte Orton C. W. Review of Einhard's Life of Charlemagne, by H. W. Garrod & R. B. Mowat. *The Classical Review*, 1915, 29(6): 186–188.
- Sot M., Veyrard-Cosme C. The Life of Charlemagne: The issues surrounding a new translation. *Revue historique*, 2014, 672(4): 875–887. <https://doi.org/10.3917/rhis.144.0875>
- Sulpicius Severus' Vita S. Martini*, ed. P. Burton. Oxford: Oxford University Press, 2017, 368.